

1 ~~257~~
57

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ

37

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

Перепечатка разрешается безвозмездно

Государственная
БИБЛИОТЕКА
С. СР
им. Ч. Ч. Иевина

56-22758-0

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

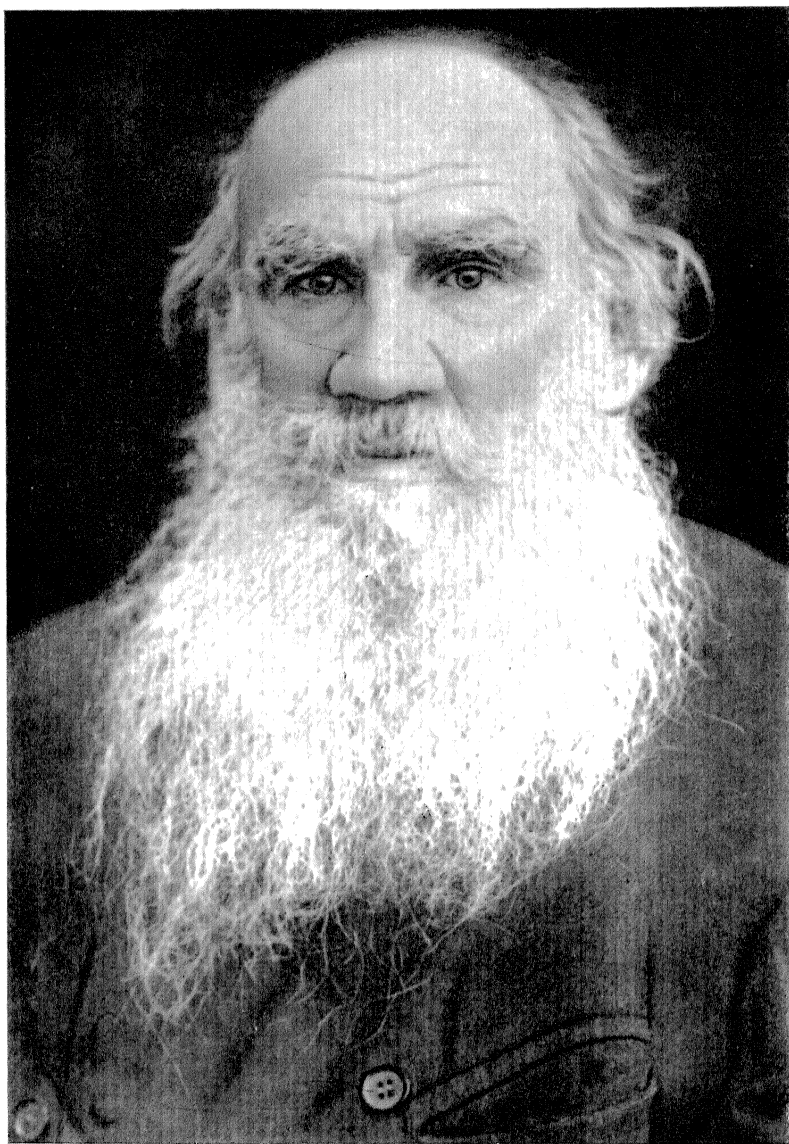
1906—1910

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
В. С. МИШИНА, П. С. ПОЦОВА,

В. С. СПИРИДОНОВА

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

НЕ УБИЙ НИКОГО

I

В начале июля 1907 года человек, участвовавший в Петербурге в издательстве «Обновление», был посажен в тюрьму Петербургским судебным следователем по обвинению его в распространении написанной мною семь лет тому назад брошюры под заглавием «Не убий».

«Незначительное при теперешних беспрестанных заточениях, ссылках, казнях событие это знаменательно по тому поводу, по которому оно совершено.

10

Теперь, когда вся Россия стонет от ужаса перед непрерывными и всё увеличивающимися в числе и по дерзости убийствами, брошюра, подтверждающая древний, признанный за тысячи лет всеми религиями закон «Не убий», брошюра эта запрещается, и распространитель ее, как преступник, сажается в тюрьму.

Казалось бы, правительство, так давно и так безуспешно борющееся с всё более и более охватывающей русских людей манией убийства, должно бы поощрять людей, распространяющих мысли, противодействующие убийству: но удивительное дело, правительство, напротив того, карает таких людей.

20

Но, может быть, брошюра «Не убий» только носит такое заглавие, а говорит что-нибудь другое, противное религии и нравственности?

Я давно писал эту брошюру и мог забыть ее содержание. Я внимательно перечел ее. Нет, в ней говорится то самое, что говорит заглавие, и только то, что оно говорит. В брошюре говорится, что кроме того, что всякое убийство человека человеком преступно и противно тому религиозному учению, которое мы исповедуем, убийства революционерами королей, импера-

торов, вообще правителей, бессмысленны, так как строй государственной жизни не может измениться вследствие убийства правителей; мотивы же таких убийств неосновательны, так как, убивая правителей за совершаемые ими дела насилия, люди забывают, что виноваты в этом они сами своим повиновением правительствам и содействием тому, за что они упрекают правителей.

Так что в общем смысл брошюры тот, что «Не убий» значит только то, что христианам не *должно убивать никого*, ни непосредственно, ни посредственно, подсобляя убийствам.

10 Но, может быть, участвовавший в издательстве «Обновление» судится не за брошюру «Не убий», написанную по случаю убийства итальянского короля, но и за брошюру того же названия, к которой присоединены еще три статьи: «Письмо к фельдфебелю», «Солдатская и офицерская памятка». Я перечел и эти статейки и в них нашел то же, что и в первой: подтверждение заповеди «Не убий», и в особенности разъяснение того, что приготовление к убийствам, содействие им так же преступно и так же противно закону Христа, как и самое убийство.

20 Так что, в общем, смысл и этих статей тот, что люди христиане не должны ни содействовать убийству, ни готовиться к нему, ни убивать кого бы то ни было.

II

Удивительный закон возмездия, неизбежно карающий людей, извращающих закон бога.

Тысяча девятьсот лет тому назад Христос, провозглашая основные заповеди своего учения, во главу всех поставил уже не старинную заповедь «не убий» (заповедь эту он считал до такой степени установленной, что он не говорил о ней), а заповедь о том, что всякий человек должен избегать всего того, что
30 может привести к убийству: не держать зла на ближнего, прощать всех, со всеми мириться, не иметь врагов (Матф. V, 21—26).

Но эта заповедь не только не была принята людьми, но даже древняя заповедь, запрещающая убийство, была отвергнута, так же как она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называвшие себя христианами, продолжали с полной уверенностью в своей правоте убивать и на войне, и дома всех тех людей, смерть которых представлялась им желательной.

Правительства христианских народов с помощью церковников долго обучали управляемые ими народы тому, что закон «не убий» не значит то, что люди не должны без всяких исключений убивать себе подобных, но что есть случаи, когда не только можно, но должно убивать людей; и народы верили правительствам и содействовали убийствам тех, кого правительство предназначало к убийству. Когда же пришло время и вера в непогрешимость правительств нарушилась, народы стали по отношению к людям, составляющим правительства, поступать точно так же, как поступали правительства по отношению людей, 10 смерть которых представлялась им желательной, только с той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войне и после известных совещаний, которые называются судами; народы же решили, что можно убивать во время революций и после совещаний известных людей, называющих себя революционными комитетами, и т. п.

И сделалось то, что происходит теперь в России, то есть то, что после 1900 лет проповеди христианства люди уже два года не переставая убивают друг друга: революционеры своих, 20 правительства своих врагов, убивают мужчин, женщин, детей, — всех тех, смерть которых считают для себя полезной, и что удивительней всего — это то, что, поступая так, они вполне уверены, что не нарушают ни нравственного, ни религиозного закона.

Дошло до того, что если бы теперь дать в России всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты всех революционеров, крестьяне — всех землевладельцев, землевладельцы — всех крестьян и т. д.

И это не шутка, а действительно так. И это ужасное состоя- 30 ние народа продолжается уже несколько лет и с каждым годом, месяцем, днем становится всё хуже и хуже.

III

Становится же положение всё хуже и хуже в особенности оттого, что правительство, чувствуя себя обязанным противодействовать этому положению дел, старается прекратить его теми средствами, которые оно считает единственно действительными. Средства же эти, и глупые и жестокие, состоят в совер-

шении тех самых преступлений, против которых борется правительство. И, как это должно быть, особенно теперь, при теперешних усовершенствованных орудиях убийства: браунингах, бомбах, пулеметах, при которых маленький ребенок может убить сотню сильных людей, — глупые и жестокие средства эти не только не достигают цели, но всё больше и больше ухудшают положение.

10 Трагизм положения русского правительства теперь в том, что, несмотря на то, что оно не может не видеть, что от приложения тех глупых и жестоких средств, которыми оно пользуется, положение только ухудшается, оно не может остановиться. Мало того, что не может остановиться, оно не может употребить единственно возможное и действительное средство борьбы против убийства: разъяснение преступности, греха убийства. Не только не может употребить это средство, но должно употреблять свои глупые и жестокие приемы и против тех людей, которые хотят приложить это единственное возможное средство спасения от того бедственного состояния, в котором находятся теперь русские люди.

20 Правительство преследует мою брошюру «Не убий» и сажает в тюрьму ее распространителя. Теперь оно неизбежно должно преследовать то, что я сейчас пишу, должно казнить и меня, и, чтобы быть последовательным, должно бы уже давно запретить не только евангелие, но и десять заповедей ветхого завета и казнить всех тех, кто распространяет их.

IV

Да, удивительный закон возмездия, казнящий наверное тех, кто извращает закон бога.

30 Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства.

И вот самые либеральные, отстаивающие всякие свободы люди, на вопрос о том, следует ли соблюдать свободу жизни, то есть не убивать людей, люди эти не могут поступать иначе, как молчать, молчанием своим признавать необходимость убийств, или явно признавать эту необходимость, как явно признают эту необходимость революционеры и правительство. И правительство, и революционеры, и не принадлежащие ни к каким

партиям убийцы под самыми разнообразными предложениями продолжают убивать друг друга.

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религии), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями. Самое ужасное при этом то, что люди эти, отказавшись от разумной человеческой жизни, спустившись почти на ступень животных, вполне довольны собою и уверены, что все те глупости и гадости, которые они говорят и делают в подражание западным народам (как правительственные люди, так и революционеры), несомненно доказывают их превосходство над мудрыми и святыми людьми прошедшего, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всем религиозное жизнепонимание — веру, могущую соединить людей, но что отсутствие всякой веры и доказывает их умственное и нравственное превосходство.

V

Люди могут жить согласной человеческой жизнью никак не вследствие каких-либо политических верований, а только вследствие своего соединения одним и тем же пониманием основного смысла жизни.

Политические верования потому не могут соединить людей, что политических верований может быть бесчисленное количество, одни верят в такой, другие в другой парламентаризм,

или социализм, или анархизм. Высшее же понимание смысла жизни в известный исторический период и для известного народа может быть только одно. Так это и было всегда. Так жили соединенные одним и тем же высшим законом жизни греки, римляне, арабы, индусы, так жили и живут китайцы, так жили и европейские народы, так называемые христиане, пока они действительно верили в ту, приспособленную Павлом к языческим нравам, веру, которая называлась христианской, католическою религией.

10 Нам ясно теперь всё несоответствие этого религиозного, запутанного, неясного и лицемерного учения церквей, запрещающего чтение евангелия, ставившего спасение верою и исполнение таинств на место евангельского отречения от земных благ и дел любви, признававшего обязательность покорности светской власти вместо евангельского признания власти одного бога, признававшего чудеса, поклонение иконам, мощам, непогрешимость папы и т. п. Нам ясно несоответствие этого учения с простым, ясным учением евангелия. Но люди рождались в этой ложной вере, вера эта внушалась им с детства, и как ни груба (на наш теперешний взгляд) была эта вера, разрешавшая убийства,
20 казни, войны, поединки, вместе с признанием бога любви, — люди искренно верили в нее, и вера эта соединяла их. Соединение это продолжалось веками, но пришло время, когда явились люди, начавшие иначе, по-своему толковать учение. Явилось протестантство в своих самых разнообразных формах, и начались вражды и споры между различными исповеданиями извращенного христианства. Споры всё более и более ослабляли веру, и кончилось тем, что павловское приспособление христианства к язычеству, еще более извращенное церквями, перестало быть религией в настоящем значении этого слова, то есть руководящим
30 началом жизни людей. Нарушилось то единство веры, которое до этого времени соединяло их. Люди перестали верить в одну и ту же религию. Сначала перестали верить в одну и ту же религию, а потом, вследствие разных толкований и споров, перестали верить, действительно ¹верить в самую христианскую религию.

VI

Много было причин, уничтоживших веру людей в христианскую религию во всех ее формах: в католичество, в православие, в протестантство. Такими причинами были и религиозные

споры и всё большее и большее просвещение; главной же причиной было то, что как церковное католическое, так и протестантское христианство допускало казни и войны.

Людям, введившим христианство в языческие народы, вследствие своей принадлежности их к правящим классам общества, естественно было, принимая и вводя в христианство народ, или скрыть, или не видеть в нем всего того, что было несовместимо со всем строем языческой жизни, выгодами которой они пользовались. Людям этим для того, чтобы принять христианство и ввести его в народ, неизбежно предстояло одно из двух: или изменить строй языческой жизни согласно с христианским учением, или изменить христианское учение согласно с существующим строем жизни. Они избрали второе, то есть, пользуясь толкованиями Павла, так извратили учение, чтобы всё то, что в истинном христианстве противоречило существующему строю, держащемуся на насилии и убийстве, было скрыто и перетолковано. Для того же, чтобы перетолковать христианство так, чтобы оно не противоречило языческому устройству жизни и разрешению убийства, на котором держится весь строй языческой жизни, надо было изменить и скрыть самую сущность христианства. В еврействе и в магометанстве можно было обойти заповедь «не убий», не разрушая закон, так как в обеих религиях признавалось деление людей на верных и неверных и потому можно было признавать заповедь «не убий» только по отношению верных. В христианстве же, где по самой сущности учения все люди признавались братьями, где всё учение основывалось на любви, выражающейся в прощении обид, в любви к врагам, в христианстве этого нельзя было сделать: допущение убийства каких бы то ни было людей разрушало главную основу христианского учения. И потому совместить христианство с убийством нельзя было иначе, как такими толкованиями, которые разрушали самую сущность его. Так это и было сделано. А когда это было сделано, христианство, извратившись, перестало быть религией. И сделалось то, что христианская церковная вера стала или делом обычая, или приличия, или выгоды, или поэтическим настроением, а настоящей религии, то есть такой веры, которая действительно соединяла бы людей и руководила их поступками между людьми христианского мира, не осталось никакой.

10   Казалось бы, что, потеряв то единственное начало: религию, которое может соединять людей, — люди церковного христианского мира должны бы были разъединиться, распасться, перестать жить общей жизнью, но этого не случилось. Не случилось этого потому, что освобождение от веры в извращенное христианство совершалось не вдруг, а совершалось понемногу, и рядом с этим освобождением от соединения верою люди всё больше и больше подпадали другому соединению, основанному

20   уже не на религии, а на власти, на той власти, которая была основана религией и поддерживалась ею. Люди, переставая верить в бога и его закон, всё больше и больше, как это и внушалось им, верили во власть правителей и их закон. И когда вера в ложное христианство исчезла, вера в правителей, в их власть и их закон заменила исчезнувшую ложную религию и продолжала держать людей в искусственном соединении.

Но соединение, основанное не на религии, а на инерции власти, не могло продолжаться. Пришло время, когда с распространением просвещения люди поняли, что для них нет

30   никакой внутренней причины, по которой они должны бы были подчиняться именно этой, а не какой-либо другой власти. И, поняв это, люди перестали верить в необходимость повиновения государственной власти и стали бороться с ней. Борьба эта началась уже давно, но особенно сильно проявилась она в конце XVIII столетия. Борьба эта продолжалась в прошлом веке, продолжается и теперь в более или менее скрытой форме во всем так называемом христианском мире и с особенной энергией происходит теперь в России.

40   То, что происходит теперь в России, есть эта самая борьба людей, потерявших внутреннюю религиозную связь между собой, потерявших и веру в необходимость повиновения власти. Борьба эта состоит в том, что люди стараются освободить себя от насильнической власти теми же самыми грубыми и жестокими средствами, которые употребляла и употребляет власть для удержания их в повиновении себе.

Если в России эта борьба проявляется безобразнее и жесточе, чем она проявлялась в других государствах, то это происходит только оттого, что это проявление позднейшее.

Во многих отношениях положение русского народа подобно тому, в каком были европейские народы сто лет назад, но во многом положение это и совсем иное. Подобно оно тем, что русский народ теперь, так же как и тогда европейские народы, в своем огромном большинстве, понял, что та вера, которой его обучали, в троицу, рай и ад, таинства, иконы, мощи, посты, молитвы, вера в святость и величие царя и обязанность повиновения властям, вера, совместимая с убийствами и всякого рода насилниями, не есть вера, а только подобие ее, и в последнее 10 время с необыкновенной быстротой и легкостью освобождается как от ложной религиозной веры, так и от еще более безосновной веры в благодетельность, необходимость царской и вообще правительственной власти.

В этом стремлении к освобождению себя от веры в извращенное христианство и в необходимость и священность власти положение русских людей совершенно подобно положению европейских людей в начале прошлого столетия. Разница же в том, что революция, совершающаяся теперь в России, — позднейшая, и что поэтому русские люди могут видеть теперь то, 20 чего не могли видеть европейские народы, именно то, к чему привела народы их борьба с своими правительствами. Русские люди не могут не видеть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, с которым они боролись. Не могут не видеть русские люди того, что все потраченные во время революции усилия, вся пролитая кровь не уничтожили бедность и зависимость трудящихся от богатых и властвующих, не прекратили те траты народных сил на захваты чужих владений, на войны, не освободили народ от власти немногих. Не могут не видеть русские люди ту щетку борьбы 30 насилия против насилия, на которую столько сил напрасно потратили европейские народы. В этом одна причина различия теперешнего положения русских людей от положения людей западного мира сто лет тому назад.

Другая же, и самая важная, в том, что, кроме той официальной, мнимо христианской религии, одинаково привитой как всем западным, так и русскому народу, в русском народе с самых древних времен, рядом с этой официальной, всегда жила другая, неофициальная, жизненная христианская вера, каким-то

странным путем, через святые жизни старцев, через юродивых, странников, проникшая в народ, и в пословицах, в рассказах, легендах утвердившаяся в нем и руководящая им. Сущность этой веры в том, что человеку жить надо *по-божьи, для души*, что люди все братья, что то, что велико перед людьми, то мерзость перед богом, что спастись может человек не исполнением обрядов и молитвами, а только делами милосердия и любви. Вера эта всегда жила в народе и была его истинной верой, руководящей его жизнью рядом с той ложной церковной верой, которая внешним образом была привита ему. Вера эта лет 10 70 тому назад еще была сильна в народе, но за последние 50 лет, особенно вследствие упадка нравственности духовенства и в особенности монашества, стала всё больше и больше ослабевать во всем народе и стала выделяться в секты так называемых: молокан, штундистов, хлыстов, субботников, божьих людей, малеванцев, еговистов, духоборов и многих других. Общие черты большинства этих сект, кроме общего всем решительного отрицания православия, были всё большее и большее внесение в поведение нравственных христианских 20 правил и непризнание требований государственной власти, главное же, законности и необходимости убийства человека человеком. Вера эта в последнее время, как в отпор революционному озлоблению, захватившему часть русских людей, всё более и более уясняется и очищается; людей самых различных общественных положений и образований, исповедующих эту веру, становится всё больше и больше, люди всё больше и больше сближаются между собой, и понимание ими христианской истины всё более и более упрощается и вносится в жизнь.

Так что, несмотря на общие черты русской революции со 30 всеми, прежде происходившими революциями в христианском мире, русские люди, и вследствие того, что она позднейшая, и вследствие того, что русский народ был всегда особенно религиозен и рядом с внешней официальной религией воспитал и удержал в себе христианские начала в их истинном значении, русские люди не могут не прийти к другому из своей революции исходу, чем тот, к которому пришли в прошлом веке западные народы.

В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека 40 зверя и человека христианина.

Русскому народу предстоят теперь два пути: один тот, по которому шли и идут европейские народы: **насилием бороться с насилием, побороть его и насилием же установить и стараться поддерживать вновь установленный, такой же, как и отвергнутый, насильственный порядок вещей.** Другой же — тот, чтобы, поняв то, что **соединение людей насилием может быть только временным, но что истинно соединить людей может только одно и то же понимание жизни и вытекающий из него закон, — попытаться уяснить себе то более или менее ясно сознаваемое народом понимание жизни и вытекающий из него закон, исклю-** 10
чающий во всяком случае разрешение убийства человеком человека, уяснить себе это понимание жизни и на нем, только на нем, а не на насилии, основать свою жизнь и свое единение.

И такая замена соединения людей, основанного на насилии, соединением, основанным на общем всем людям нашего христианского мира понимании жизни, предстоит, я думаю, в наше время не только русскому народу, но и всему христианскому человечеству.

IX

Утечет еще много воды, а может быть и крови, пока это 20
совершится. Но не может быть того, чтобы не пришло, наконец, время для людей христианского мира, когда они, освободившись от ложной веры и от возникшего на ней насилия, не соединились бы все в одном высшем, таком общем им всем религиозном понимании жизни, при котором не только невозможно, но совершенно ненужно убийство человека человеком. Придет это время, потому что жизнь людей, соединенная насилием, возникшим на пережитой уже людьми вере, может быть временным, переходным состоянием, но не может быть жизнью разумных существ. Животные могут быть соединены насилием, 30
но люди могут соединяться только одним общим для всех пониманием, жизни. Общее же для всех людей нашего мира понимание жизни есть только одно. И я думаю, что понимание это есть то, которое выражено в том христианстве, при котором, как бы мы ни понимали его, не может быть допущена полезность, необходимость, законность убийства.

Ведь стоит только людям, думающим, что они верят в христианство, выбросить из него все те бессмыслицы о троицах

и происхождении святого духа, об искуплении верой, рае, аде и т. п., даже все чувствительные слова о любви в столь любимой XIII главе Коринфянам, а людям, не верующим в христианство, а верующим в науку, выбросить из нее многословные и сложные рассуждения о праве, государстве, представительстве, прогрессе, будущем социализме, а вместо всего этого признать только одну простую и ясную и высказанную за тысячи лет истину, составляющую первое, необходимое отрицательное условие всякой нравственности — истину, признаваемую и сердцем, и умом, и всем существом всякого неиспорченного человека, истину о том, что человек не должен убивать человека, и тотчас же изменился бы весь существующий ужасный, зверский строй нашей жизни, и сложилась бы жизнь, согласная с сознанием людей нашего времени, сделалось бы то самое, чего стремятся достигнуть теперь лучшие люди нашего времени.

Человечество медленно, с остановками, отступлениями, возвращениями назад, поднимается всё выше и выше, переходя с ступени на ступень при своем движении к совершенству и благу. Долго стояло человечество перед той ступенью, которая поднимала его к возможности согласной жизни людей без необходимости убийства; но оно в наше время, хочет или не хочет этого, необходимо должно наступить на нее. Если не разум, не стремление к добру, то самая бедственность положения, всё увеличивающаяся и увеличивающаяся, заставит людей сделать это, то есть начать устраивать свою жизнь не на началах ненависти и угрозы, а на началах разума и любви.

«Царство божие на земле — это конечная цель и желание человечества. (Да придет царство твое.) Христос приблизил к нам это царство, но люди не поняли его и воздвигли в нас царство попов, а не царство бога», — говорил Кант.

«И только тогда, — говорил он, — можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам это царство божие, когда укоренится в людях сознание необходимости постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию».

И я думаю, не только думаю, но уверен, что время это пришло.

Люди устроили себе жизнь, всю держащуюся на противном и разуму и сердцу человека деянии, — убийстве, и вместе с этим, целым длинным, веками выработавшимся, хитрым обма-

ном вполне уверили себя, что они или исповедуют такой закон Христа, или знают такую науку, при которых несомненно доказывается то, что убийство человека человеком согласно и с разумом и с сердцем человека, и когда им говорят о том, что жизнь их зверская и что их христианство и их наука есть насмешка и надругательство над религией и наукой, что им надо перестать быть убийцами, если они хотят быть христианами и просвещенными людьми, они только улыбаются и пожимают плечами. Так неисполнимо кажется им перестать делать то, что было запрещено самими первобытными религиозными 10 законами самых древних людей, — то, что заложено самими первобытными религиозными законами самых древних людей, — то, что заложено и в сознании и в сердце всякого неспорченного человека, и то, что никакими, самыми хитроумными рассуждениями не может быть соединено с христианским учением, которое они будто бы исповедуют, ни с просвещением, которым они так гордятся.

Да, какой должен быть ужасный умственный упадок людей нашего мира, когда они могут верить тому, что жизнь их станет хуже, если они перестанут казнить, мучить, убивать, вешать 30 друг друга.

Да, как велико должно быть извращение нравственно-религиозного чувства людей и даже простого рассудка, когда им нужно доказывать, и почти наверное тщетно, что «не убий» не значит то, что можно убивать людей других, чем свой, народов и еще тех, убийство которых мы признали для себя полезным; а что слова эти, нами же приписываемые богу, значат то, что *не должно убивать никого.*

Да, ужасно нравственное и умственное падение таких людей, когда они еще при этом считают себя стоящими на высшей 30 степени духовного развития. А таковы, страшно сказать, все, за малыми исключениями, люди нашего цивилизованного развращенного мира.

Одно утешение в этом — то, что этот ужасный упадок есть признак последней степени развращения, при которой должно наступить пробуждение. И я верю, что теперешняя русская революция приведет нас к этому.

Да, разумеется, неисполнимо учение Христа для тех людей, которые живут заведением и распоряжением над постройками броненосцев, крепостей, над солдатами, обучаемыми 40

убийству, над школами, воспитывающими убийц, над судами, тюрьмами, виселицами, для людей, владеющих богатствами, охраняемых убийством; для этих людей понятно, что учение Христа неисполнимо; но пора понять тем, кто строит крепости и броненосцы, кого обучают убийству, кого развращают в школах, кого казнят и расстреливают, кто собирает те богатства, которые охраняются убийством, что жизнь без убийств, без насилия гораздо исполнимее, чем та, которую они теперь ведут. И я думаю, что русские люди, огромное большинство русских
10 людей, поймут и отчасти уже понимают это.

Х

Я верю в это, потому что нелепость того, что совершается, слишком очевидна. Люди правительственные и революционные — одни придумывают и проповедают самые утонченные, хитроумные научные и государственные законы, другие — еще более хитроумные, сложные и дальновидные планы о том, как в будущем должно устроиться человечество, но и те, и другие, и третьи для достижения своих целей считают не важным делом до времени допустить необходимость и законность
20 убийства, и потому, несмотря на всё глубокомыслие, старательность и усердие этих людей, все их утонченные и хитроумные соображения не улучшают жизни, а, напротив, жизнь становится всё хуже и хуже.

Люди устроили огород и сажают в нем самым усовершенствованным способом самые драгоценные и нежные растения, и удобряют, и полют, и поливают, но только забыли одно: оставили лазейку в ограде, и скотина заходит в огород, затаптывает и вырывает всё то, что есть в огороде. И люди удивляются и огорчаются и никак не могут понять, отчего все труды их про-
30 падают даром.

То же и с жизнью людей христианского мира. Люди нашего времени придумали себе всякие религиозные и государственные законы, будто бы ограждающие их, и всячески усовершенствовали свою телесную жизнь: общаются мыслями через океаны, летают по воздуху, делают всякие чудеса, но допустили одно маленькое отступление от того, что говорит им мудрость прошедшего, их разум, их сердце, признали за людьми право убивать людей, друг друга, и все — и религиозные, и госу-

дарственные ограждения перестали быть ограждениями, и все чудеса технических усовершенствований не только не содействуют их благу, но разрушают это благо.

Происходит это оттого, что прежде чем устанавливать такой или иной строй жизни, прежде чем усовершенствовать средства пользования силами природы, — прежде всего людям надо установить то открытое им за тысячу лет религиозно-нравственное учение о том, что в каждом теле человека живет одно и то же божественное начало и что поэтому ни один ни человек, ни собрание людей не может иметь права нарушить это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, то есть лишить человека жизни.

И признание, и установление такого религиозно-нравственного учения не только возможно, но жизнь становится невозможной без признания и установления этого религиозно-нравственного учения, которое есть не что иное, как всем нам близкое и известное учение Христа в его истинном значении.

И я верю, что наша нелепая и ужасная революция приведет большинство русского народа к признанию, установлению и введению в жизнь этого религиозно-нравственного начала христианского учения.

XI

Да, всё это будет, когда наступит царство божие, но что же делать, пока его нет?

Делать то, что нужно для того, чтобы наступило царство божие.

Что делать голодному человеку, когда у него нет пищи? Работать для того, чтобы приобрести пищу. Как пища не приходит сама собою, так царство божие, то есть добрая жизнь людей, не придет сама собой. Надо ее делать. А чтобы делать ее, надо перестать делать самое ужасное зло, то, которое более всего утверждает дурную жизнь людей: убийство.

И для того, чтобы перестать делать это дело, нужно очень немного. Сознание несвойственности человеческой природе убийства себе подобных уже достаточно укоренилось в огромном большинстве христианского мира. Нужно только одно: понять, признать и проводить в жизнь мысль о том, что мы не призваны устраивать жизнь других людей насилием, неизбежно

влекущим за собой убийство, и что всякое убийство, которое мы совершаем, в котором участвуем, на котором строим выгоды своей жизни, не может быть полезно ни другим, ни нам, а напротив, только увеличивает то зло, которое мы хотим исправить. Только бы познали это люди и воздержались от всякого вмешательства в жизнь других людей, только бы перестали люди искать улучшения своего положения в внешнем, насильственном устройстве, которое невозможно без убийства, а искали бы его каждый для себя в приближении того идеала совершенства, который так определенно поставлен перед каждым человеком христианским учением и который никак уже не совместим с убийством, и сама собой сложилась бы та жизнь, которую так тщетно стараются люди осуществить внешними, всё больше и больше ухудшающими жизнь людей средствами.

Есть только одно средство избавления людей от тех бедствий, которые они несут и которые всё увеличиваются. Средство это: признание и введение в жизнь того открывающего новую эру человечества истинного христианского учения, того истинного христианского учения, которое без признания основного положения его непротивления злу злом есть только лицемерное, никого ни к чему не обязывающее учение, не только не изменяющее той зверской животной жизни, которой живут теперь люди, но еще поддерживающее ее.

«А, опять старая песня непротивления!» — слышу я самоуверенные презрительные голоса.

Но что же делать человеку, который видит, что толпа, давя, губя друг друга, валит и напирает на неразрушимую дверь, надеясь отворить ее наружу, когда он знает, что дверь отворяется только внутрь.